

В МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД 107996, г. Москва, Богородский вал, д. 8

через Тверской районный суд г. Москвы 129090, г. Москва, ул. Каланчёвская,
д. 43А

**от представителя административного
истца**

Административный истец:
Кузнецова А.

Административный ответчик 1: 127994, г. Москва, ул. Петровка, д. 38
ГУ МВД России по г. Москве

Административный ответчик 2: 107078, г. Москва, ул. Новая Басманная,
ДИТ г. Москвы д. 10с1

по делу № 2а-798/2020

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА
на решение Тверского районного суда г. Москвы от 4 декабря 2020 г.

Решением Тверского районного суда г. Москвы от 4 декабря 2020 г. по административному делу № 2а-798/2020 Кузнецовой А. было отказано в удовлетворении требований к ГУ МВД России по г. Москве и ДИТ г. Москвы о признании действий административных ответчиков по применению технологии распознавания лиц в г. Москве и взыскании компенсации морального вреда. “”

4 декабря 2020 г. объявлена резолютивная часть решения суда.

30 декабря 2020 г. была направлена апелляционная жалоба на указанное решение.

Определением от 11 февраля 2021 г. суд оставил поданную истцом апелляционную жалобу без движения до 1 апреля 2021 года.

19 марта 2021 г. представитель административного истца получил копию решения в окончательной форме.

Административный истец не согласна с решением Тверского районного суда г. Москвы от 4 декабря 2020 г. по административному делу № 2а-798/2020, полагает его незаконным, несправедливым и необоснованным в связи со следующим:

1. Суд первой инстанции фактически не исследовал обстоятельства, имеющие значение для дела, и исходил из обстоятельств, которые ничем не подтверждены

Административный истец обратился в суд в целях защиты своего права на неприкосновенность частной жизни с требованиями к ГУ МВД России по г. Москве и ДИТ г. Москвы о признании их действий по применению технологии распознавания лиц на территории г. Москвы незаконными, обязанности воздержаться от применения названной технологии на территории Москвы и удалить биометрические персональные данные истца из “Городской системы видеонаблюдения (ГИС ЕЦХД)”, а также обязать ГУ МВД России по г. Москве принять подзаконный акт о порядке использования технологии распознавания лиц и данных из ГИС ЕЦХД. Также было заявлено требования о взыскании компенсации морального вреда в размере 100 000 (ста тысяч) рублей.

Поводом для обращения в суд с указанными требованиями к ГУ МВД России по г. Москве и ДИТ г. Москвы стало обнаружение административным истцом в сети “Интернет” предложения о продаже данных из московской системы видеонаблюдения и распознавания лиц (услуга называлась “Пробив человека через московскую систему распознавания лиц, установленную на камерах в городе Москва”, кратко - “пробив по лицу”). Для проверки фактической защищённости данных о своей частной жизни в городской системе видеонаблюдения и распознавания лиц административный истец анонимно отправила “продавцу пробива”, пользователю мессенджера Telegram с никнеймом “Вимм-Билль-Данн”, свои фотографии, с помощью которых и был осуществлён “пробив”; после получения оплаты пользователь “Вимм-Билль-Данн” выслал административному истцу файл с результатами поиска по городской системе видеонаблюдения и распознавания лиц.

Пользователь “Вимм-Билль-Данн” получил фотографии административного истца для поиска 19 июля 2020 г. и уже 21 июля 2020 г. выслал истцу файл с результатами поиска **за период 20 июня по 21 июля 2020 года** (то есть за прошедший месяц).

Файл с результатами “пробива по лицу” состоит из 27 страниц и содержит следующие данные:

- исходная фотография административного истца, предоставленная для проведения поиска;
- результаты поиска по камерам города Москвы за указанный месячный период в виде списка;
- адреса нахождения камер, которые распознали административного истца в указанный месячный период;
- точные даты и время фиксации изображения административного истца каждой камерой.

Несмотря на то, что административный истец не являлась на тот момент ни участником производства об административном правонарушении, ни преступницей в розыске, ни подозреваемой или обвиняемой по какому-либо уголовному делу, она тем не менее стала объектом поиска по городской системе видеонаблюдения и распознавания

лиц. Как впоследствии было установлено следствием, поиск в указанной системе по фотографии истца осуществил сотрудник полиции, поэтому истец признана потерпевшей по уголовному делу (в производстве Следственного отдела по Басманному району СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве).

Поскольку на момент разрешения административного дела расследование по упомянутому уголовному делу не было окончено, представители административного истца письменно ходатайствовали об истребовании у ГУ МВД России по г. Москве сведений и документов, на основании которых можно было бы установить обстоятельства получения должностными лицами полиции данных о частной жизни истца из соответствующей государственной информационной системы, находящейся в ведении Департамента информационных технологий Москвы (ДИТ Москвы). В частности, истец просила суд истребовать сведения о том, учётная запись какого должностного лица была использована для получения доступа к системе «Единый центр хранения и обработки данных» (далее - ЕЦХД) и модулю функции распознавания лиц при получении сведений о частной жизни истца, какие действия в рамках указанных систем были совершены через эту учётную запись (доступ к системе, подача заявки на резервирование записи, указание точного адреса камеры, проч.) **и почему и каким образом соответствующее должностное лицо имело возможность получить доступ к архивной видеоинформации за период в 30 дней, если регламентный срок хранения видеоинформации в ЕЦХД составляет 120 часов** (абз. 17 пункта 1.2. Регламента доступа пользователей к информации, содержащейся в государственной информационной системе «Единый центр хранения и обработки данных»)¹.

Наличие предложений о продаже данных из указанной системы и подтверждения их реальности, которые удостоверены нотариусом, свидетельствуют о том, что обработка видеоданных и производных от них данных (в том числе биометрических данных в рамках применения технологии распознавания лиц) применяется не только в целях обеспечения безопасности и правопорядка в городе. Указанное свидетельствует также о том, что к видеоданным и извлекаемым из них данным (например, к биометрическим данным и сведениям о передвижении определённого лица по городу) имеют несанкционированный доступ лица, которые за плату предоставляют эти данные любому, кто готов заплатить назначенную цену (например, 16 500 рублей, как в случае административного истца).

Суд первой инстанции полностью уклонился от исследования обстоятельств, на которые ссылалась Кузнецова А., и не привёл никаких доводов, в соответствии с которыми посчитал их незначительными для дела о защите неприкосновенности частной жизни истца и отверг доказательства истца, продемонстрировавшие, что осуществляется торговля данными о частной жизни граждан из столичной системы видеонаблюдения и распознавания лиц.

---

¹ Приложение 1 к Распоряжению Департамента информационных технологий города Москвы от 31 июля 2015 г. N64-16-241/15

При этом, суд первой инстанции ограничился лишь пересказом положений постановлений Правительства г. Москвы и регламентов Департамента информационных технологий г. Москвы, которыми установлены общие правила функционирования и использования ГИС ЕЦХД и получения данных из указанной государственной информационной системы. Суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что граждане не являются объектами видеонаблюдения только потому, что граждане не были прямо включены в перечень объектов видеонаблюдения согласно Положению о государственной информационной система “Единый центр хранения и обработки данных” (утв. Постановлением Правительства Москвы от 7 февраля 2012 г. №24-ПП). Одновременно с этим суд первой инстанции установил, что алгоритм распознавания лиц работает через сравнение изображения гражданина с видеоинформацией о гражданах из Единого центра хранения и обработки данных, что делает вышеуказанный вывод суда не соответствующим установленным судом обстоятельствам о принципах работы алгоритма распознавания лиц. То, как фактически осуществляется видеонаблюдение в Москве и какие объекты и лица попадают под наблюдение, как осуществляется получение и хранение видеоинформации в ЕЦХД, как осуществляется предоставление и использование информации из ЕЦХД органами полиции города суд первой инстанции не исследовал ни в целом, ни в пределах предмета административного искового заявления, и не оценивал с точки зрения законности и допустимости вмешательства в частную жизнь истца и нарушение её неприкосновенности.

Таким образом, суд первой инстанции полностью уклонился от исследования обстоятельств, имеющих значение для административного дела по иску Кузнецовой А. к ГУ МВД по г. Москве и ДИТ г. Москвы, и ограничился формальными отсылками к подзаконным актам Правительства г. Москвы и ДИТ г. Москвы.

2. Суд первой инстанции неправильно истолковал нормы материального права о защите неприкосновенности частной жизни и необоснованно не применил позиции Европейского суда по правам человека

2.1. Суд первой инстанции обосновал отказ в удовлетворении административных исковых требований Кузнецовой А. к ГУ МВД по г. Москве и ДИТ г. Москвы тем, что применение технологии распознавания лиц в городской системе видеонаблюдения направлено на защиту правопорядка, соответствует действующему законодательству, и поэтому выполнение ответчиками обязанностей по защите правопорядка не могут нарушать прав Кузнецовой А. на частную жизнь.

Однако при этом суд первой инстанции соотнёс действия ответчиков по сбору видеоинформации и её обработке с помощью технологии распознавания лиц лишь с положениями ГК РФ об охране изображения гражданина (ст. 152.1) и Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ “О персональных данных” (далее – закон персональных данных) (ст. 11 закона), в то время, как право на частную жизнь охватывает намного более широкий круг сведений о человеке.

Так, в пункте 1 ст. 152.2 ГК РФ даётся общее разъяснение того, какая информация относится к информации о частной жизни гражданина: “в частности сведения о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни”.

Содержание понятия “частная жизнь” было в некоторой степени конкретизировано в практике Конституционного суда РФ, в частности в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. N 15-П:

“В понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, **касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер**”;

“Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует статья 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации”.

Правовые позиции Европейского суда по правам человека, изложенные в окончательных постановлениях по делам против России также содержат уточнения по поводу того, какие сведения о человеке относятся к частной жизни:

“[П]онятие частной жизни включает в себя аспекты, связанные с самоидентификацией, такие как имя человека и его образ. **Образ человека представляет собой одно из основных качеств личности, поскольку отражает уникальные характеристики человека и отличает его от остальных людей.** Право на защиту своего образа, таким образом, является одним из значимых компонентов персонального развития. В основном такое право предполагает право человека на контроль за использованием такого образа, в том числе на отказ от его публичного распространения” (пункт 40 постановления от 12 декабря 2013 г. по делу Хмель против Российской Федерации).

“Понятие личной автономии является важным принципом, который лежит в основе толкования... гарантий [статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод]... Статья 8... может относиться к деятельности профессионального или делового характера. **Следовательно, существует зона взаимодействия лица с другими, даже в публичном контексте, которая может подпадать под сферу действия "личной жизни".** Существует ряд элементов, имеющих значение для рассмотрения того, затрагивается ли личная жизнь лица мерами, осуществляемыми вне жилища или личных помещений этого лица. В связи с этим важным, хотя не обязательно решающим, фактором могут быть разумные ожидания лица в отношении неприкосновенности частной жизни” (пункт 63 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу Ивашенко против Российской Федерации).

“[С]огласно прецедентной практике по статье 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] концепция "частной жизни" является общим термином, не допускающим исчерпывающего определения, который включает, помимо прочего,

информацию, относящуюся к данным о личности, таким как имя, фотографии, или физическая и психическая неприкосновенность.... и, как правило, включает всю частную информацию лица, которая, как определено законодательством, не должна публиковаться без его разрешения” (пункт 193 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу Агеевы против Российской Федерации)².

Таким образом, нахождение в своём личном жилище или вне его не является критерием отнесения информации к тайне частной жизни. Сведения о местах нахождения административного истца в г. Москве и маршрутах её передвижения по городу в течение месяца, которые были зафиксированы в форме видеoinформации, сохранены в соответствующей государственной информационной системе и обработаны с помощью технологии распознавания лиц, являются информацией о её частной жизни по смыслу определений, данных Конституционным судом РФ и ЕСПЧ. Сбор, запись и обработка данных сведений ответчиками, равно как и сведений об иных гражданах на территории Москвы, деятельность которых носит непротивоправный характер, составляют незаконное вмешательство в неприкосновенность частной жизни.

Суд первой инстанции неверно истолковал понятие “частной жизни”, поэтому неправильно установил, какие сведения о жизни административного истца, собираемые и обрабатываемые ответчиками, находятся под защитой права на неприкосновенность частной жизни, и соответственно пришёл к выводу о том, что изображения истца с адресами её передвижений по городу не относятся к частной жизни лишь потому, что видеонаблюдение ведётся вне жилища, на улицах города, которые все по умолчанию признаны общественными местами.

2.2. Одновременно с вышеуказанным, суд первой инстанции неправильно истолковал ст. 152.1 ГК РФ и положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ “О персональных данных”.

Суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что использование изображения гражданина (и в частности, истца) ответчиками в рамках ЕЦХД и технологии распознавания лиц является законным в силу ст. 152.1 ГК РФ, поскольку использование изображения гражданина без его согласия допускается, когда изображение используется в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также когда оно получено при съёмке в открытых для свободного посещения местах, за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования.

Однако, из пункта 1 названной статьи ГК РФ следует, что указанные правила применяются при **обнародовании и дальнейшем использовании** изображения гражданина.

Под обнародованием изображения гражданина по аналогии с положениями статьи 1268 ГК РФ необходимо понимать осуществление действия, которое впервые делает

---

² Более подробно позиции ЕСПЧ о частной жизни изложен в подготовленном Верховным Судом России “Обобщении правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища”.

данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети "Интернет" (пункт 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

Поскольку обнаружения изображения истца и иных граждан при осуществлении видеонаблюдения и использования видеoinформации ответчиками не установлено, приведённые в пункте 1 ст. 152.1 ГК РФ условия освобождения ответчиков от получения согласия на использование изображения гражданина не подлежали применению при рассмотрении настоящего дела, к тому же соответствующие обстоятельства фактически не исследовались и не устанавливались судом первой инстанции (в обжалуемом решении отсутствует указание на то, какая конкретная законная цель преследовалась ответчиками при использовании видеoinформации и изображения истца, была ли истица основным или неосновным объектом съёмки).

Суд первой инстанции также неправильно применил статью 11 закона о персональных данных и исходил из того, что к биометрическим персональным данным относятся те сведения о физиологических и биологических особенностях человека, на основании которых **можно установить его личность** и которые при этом **используются оператором для установления личности субъекта персональных данных**.

Истолковав понятие биометрических персональных данных вышеуказанным образом, суд первой инстанции без каких-либо доказательств установил, что ответчики не использовали данные истца для установления личности, поэтому требование о письменном согласии гражданина на обработку таких данных или о соблюдении специальных правил, к которым отсылает часть 2 ст. 11 закона о персональных данных, не требуется.

Однако часть 1 статьи 11 закона о персональных данных, в которой приведено определение понятия "биометрические персональные данные", сформулирована следующим образом:

Сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи.

Таким образом, из буквального толкования указанной нормы следует, что **биометрические персональные данные** - это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (вне зависимости от того, используются ли они для установления личности гражданина или нет).

Таким образом, условия о наличии письменного согласия истца как объекта персональных данных на обработку данных, либо **случая, установленного федеральным законом** в качестве условия законной обработки биометрических данных

без согласия гражданина, должны были быть применены при разрешении административного дела, однако суд первой инстанции от этого уклонился из-за неправильного толкования части 1 статьи 11 закона о персональных данных.

2.3. Вопреки разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. №21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней” (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 г. №21), суд первой инстанции не применил правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), изложенные в окончательных постановлениях ЕСПЧ, и никак не мотивировал отказ от их применения, хотя они являются обязательными для судов.

Вместе с тем, ЕСПЧ уже рассматривал ряд дел о сборе и обработке публичными властями и государственными органами биометрических данных граждан: дело “Антович и Миркович против Черногории” [Antović and Mirković v. Montenegro] (жалоба №70838/13); дело “Перри против Соединённого Королевства” [Perry v. United Kingdom] (жалоба №63737/00); дело “S. и Марпер против Соединённого Королевства” [S. and Marper v. United Kingdom] (жалобы №№ 30562/04 и 30566/04). Полагаем, что правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в окончательных постановлениях по указанным делам, подлежат учёту при рассмотрении настоящего дела, поскольку их обстоятельства являются аналогичными друг другу.

Например, так же, как и в указанных ранее постановлениях по делам против России, в окончательном постановлении по делу “Антович и Миркович против Черногории”³ ЕСПЧ отметил, что в соответствии с ранее сформулированной Судом позицией, к частной жизни может относиться в том числе профессиональная деятельность человека. Таким образом, статья 8 Конвенции подлежала применению. По существу дела суд установил, что использование камер видеонаблюдения привело к нарушению прав заявителей на тайну частной жизни, а доказательства подтвердили, что видеонаблюдение нарушило положения национального законодательства (дело касалось видеонаблюдения в учебном заведении, где у заявителей-профессоров не было контроля над собираемой о них информации и такой сбор данных противоречил национальному законодательству).

В постановлении по делу “Перри против Соединённого Королевства”⁴ ЕСПЧ установил нарушение статьи 8 Конвенции и отметил, что уловка, к которой прибегли полицейские, вышла за рамки обычного или ожидаемого использования камер наблюдения для обеспечения безопасности, и видеосъемка заявителя и ее монтирование с другим видеоматериалом в целях дальнейшего использования может быть поэтому расценено как обработка или сбор личных сведений о заявителе. Кроме того, видеозапись не была получена добровольно или в обстоятельствах, когда заявитель мог разумно ожидать, что видеозапись будет сделана и использована в целях его опознания. Поэтому акт вмешательства государства в реализацию права человека на уважение его частной жизни имел место.

---

³ Antović and Mirković v. Montenegro, жалоба №70838/13.

⁴ Perry v. United Kingdom, жалоба №63737/00.

В постановлении по делу “S. и Марпер против Соединённого Королевства”⁵ приведён анализ неограниченного хранения образцов отпечатков пальцев, биоматериалов и образцов ДНК заявителей в базе данных после прекращения производства уголовного дела в отношении них. Власти заявляли, что, несмотря на прекращение уголовного преследования, данные заявителей хранились в целях идентификации будущих преступников. ЕСПЧ установил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции, придя к выводу, что бессрочное хранение указанных биометрических данных является несоразмерным вмешательством в частную жизнь заявителей и не может быть признано необходимым в демократическом обществе. ЕСПЧ заключил, что массовое и неизбирательное применение полномочий по хранению образцов отпечатков пальцев, биоматериалов и образцов ДНК людей в статусе подозреваемых, но не осуждённых, как это было в деле, не отвечает требованию о соблюдении справедливого баланса между конкурирующими публичными и частными интересами. Таким образом, государство-ответчик вышло за пределы приемлемых пределов усмотрения. Соответственно, хранение персональных данных представляло собой несоразмерное вмешательство в право заявителей на уважение личной жизни и не могло считаться необходимым в демократическом обществе.

Административный истец ссылаясь на указанные правовые позиции ЕСПЧ по вопросам произвольного осуществления видеосъёмки и допустимых пределов её осуществления в публичных интересах, возможности предвидеть ведение видеосъёмки, неограниченной обработки биометрических данных лиц, не осуществляющих противоправную деятельность. Однако суд первой инстанции произвольно и необоснованно проигнорировал данные правовые позиции, что привело к неполному выяснению значимых для дела обстоятельств и неполной правовой оценке обжалуемых действий ответчиков с точки зрения законности и соразмерности обработки сведений о частной жизни истца заявленной ответчикам цели.

В связи с вышеизложенным, руководствуясь ст.ст. 295, 297-300 КАС РФ.

ПРОШУ СУД:

1. отменить решение Тверского районного суда г. Москвы от 4 декабря 2020 г. по административному делу №2а-798/2020 полностью;
2. вынести новое решение, которым удовлетворить требования Кузнецовой А. к ГУ МВД России по г. Москве и ДИТ г. Москвы.

Приложения:

1. Копия доверенности;
2. Квитанция об оплате пошлины;
3. Копии жалобы для сторон (2 экземпляра).

---

⁵ S. and Marper v. United Kingdom, жалобы №№ 30562/04 и 30566/04.

30 марта 2021 г.